

СМЕСЬ

³⁰Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики, указали на князя Вяземского как на начинщика брани, господствующей в нашей литературе³¹. Указание неискреннее. Критические статьи к. Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям, он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (discussion) и ловкостью самого софизма³². Эпиграмматические же разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но к. Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена; они же всегда преступают черту литературных прений и поминутно, думая напасть на писателя, вызывают на себя негодование члена общества и даже гражданина. Но должно ли на них негодовать? — Не думаем. В них более извинительного незнания приличий, чем предосудительного намерения. — Чувство приличия зависит от воспитания и других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту³³ поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав.

Доказательством, что журналы наши никогда не думали выходить из границ благопристойности, служит их добродушное изумление при таковых обвинениях и их единогласное указание на того, чьи произведения более всего носят на себе печать ума светского и тонкого знания общежития.

Прошу покорнейше редакцию “Литературной газеты” дать в своих листах место следующему отзыву от меня:

“Северная пчела” в 10-м № нынешнего года изъявляет сомнение, точно ли “Разговор у княгини Халдиной”, присланный мною в “Литературную газету”, писан Фон-Визиным. На сие имею честь объяснить г. г. подписчикам на издаваемое мною “Полное собрание сочинений Фон-Визина” и тем читателям, которые впредь удостоят меня своею доверенностию, что как сей “Разговор”, так и все другие сочинения Фон-Визина, которые войдут в состав готовимого мною издания, несомненно писаны Фон-Визиным и доставлены мне от его непосредственных и законных наследников. Сей же самый “Разговор” должен был включен быть в комедию

146

Фон-Визина под названием “Добрый наставник”, которой начало отыскано в бумагах покойного автора. Большая часть сего “Разговора” писана рукою самого автора, и любопытные могут в том удостовериться из черновой тетради, заключающей много собственноручных отрывков его. Тетрадь сия хранится в книжной лавке моей, на Никольской улице.

Впрочем, кажется, и самый предлог сомнения весьма неоснователен. В разговоре упоминается о заведении русских университетов: “Северная пчела”

замечает, что при жизни Фон-Визина существовал один Московский университет.— Это правда; но сатирический разговор не статистическая таблица. Впрочем, мы часто принимаем множественное число за единственное и говорим, напр., “когда являются у нас Державины”, хотя Державин один, и проч.— Что ж касается до примечания, приписываемого “Северною пчелою” издателям “Литературной газеты”, то оно найдено было в списке, полученном от наследников, и по неосмотрительности оставлено и напечатано. Вероятно, оно почитаемо было нужною оговоркою для какого-нибудь прежде готовившегося издания. Сие замечание, как и самые истолкования на оное “Северной пчелы”, кажется мне, тем более излишни, что в том же разговоре, вслед за тем же словом, есть от самого автора объяснение *политической науки*: “разумею науку, научающую нас правилам благочиния, науку коммерческую и науку о государственных доходах”.—

Иван Салаев, издатель полного собрания сочинений Фон-Визина.

Москва, 4 февраля, 1830 года.

³⁴Острая шутка не есть окончательный приговор. ***сказал, что у нас есть *три* истории России: одна для *гостиной*, другая для гостиницы, третья для *гостиного двора* ³⁵.

Происхождение народной поговорки ³⁶.— Угодно ли знать происхождение простонародной поговорки, заимствованной русскими от единоплеменников, издревле к ним близких по многим отношениям? Вот что говорит о сем ученый Лелевель ³⁷ в изданной им

прошлого 1829 года в Варшаве “Сокращенной истории царства Польского”, носящей, вместо пышного заглавия, скромную надпись: *Dzieje Polski Joachim Lelewel potocznym sposobem opowiedzial**, но имеющей великое достоинство по принятому в ней плану, строгому выбору пособий, занимательности и образу изложения. “Болеслав Великий³⁸ вникал сколько мог сам в судебные дела и решал оные справедливо. Строгость его к виновным доходила иногда до жестокости. Однако же к менее погрешившему был он снисходителен, в надежде, что замечание и выговор достаточны к его исправлению. Простые обычаи века представляли Болеславу средства действовать лично в сем отношении с успехом. Он сам предостерегал, громил и своеручно наказывал. Часто виновный вельможа,

147

приглашенный королем к столу и в баню, выслушав слово правды, получал там наказание, долженствовавшее его исправить на будущее время. От чего и произошла поговорка: *задать кому-нибудь баню sprawić komu łaźnię*”.

³⁹В флорентийском пантеоне окончен знаменитым ваятелем Риччи (Ricci) великолепный памятник Данте; по красоте отделки он предпочитается стоящей с ним рядом гробнице Альфиери, сделанной Кановою.

148

* Книга сия, посвященная почтенным Лелевелем малолетним его племянникам, замечательна еще своею дешевизною. 330 стр. в восьмушку, с атласом, состоящим из 12 карт, изображающих Польшу в разные эпохи, хорошо вырезанных и чисто отпечатанных на весьма изрядной бумаге, стоят 6 злотых и 20 грошей польских (4 руб. ассигнациями на наши деньги).

